

Иннокентий СМОКТУНОВСКИЙ:

СОВРЕМЕННЫЙ АКТЕР— ЭТО СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

СПРАШИВАЕМ —
ОТВЕЧАЮТ...

Дверь мне открыл Иннокентий Михайлович. Кабинет — небольшая комната. Письменный стол с удобным креслом, на столе несколько рукописей. Много старинных книг, большая фотография Достоевского, гравюры... Комната в новом доме, за окном — полетному шумный и солнечный Суворовский бульвар.

— Иннокентий Михайлович, расскажите, пожалуйста, о ваших первых шагах в искусстве.

— Стремление быть на сцене проявилось у меня во время учебы в средней школе. Свое свободное время я отдавал драматическому кружку. Помню свою первую роль и первую неудачу. Ставили «Предложение» А. П. Чехова. Очень волновался, переживал и потому был скован. Там, где нужно было плакать и стенать, рвать на себе волосы от неудачи, мой Ломов неожиданно для себя начал истерически хохотать... В зале вначале насторожились: как неожиданно решен образ! Потом начался общий смех... Закрыли занавес. И со мной драматический кружок распрощался. Объяснили просто — не умеешь владеть собой. Далее мои актерские пробы были более удачны. Я переиграл почти всех существующих в современной драматургии мальчишек, работая в театрах Норильска, Красноярска, Махачкалы, Волгограда, Грозного. Но все-таки в этих театрах я так и не мог найти ни себя, ни своих героев, ни режиссера, который бы увидел во мне хоть что-нибудь стоящее. Я поехал в Москву, но и здесь, показавшись во многих театрах, никого не привлек. Такое было нерадостное начало.

— Иннокентий Михайлович, кто из режиссеров, педагогов помог вашему становлению?

— В разные периоды своей творческой жизни я встречал художников, оставлявших след в моем становлении, помогавших мне обрести веру в свои силы. Прежде всего хочу назвать Розу Сироту. В то время она была режиссером в Большом драматическом театре имени Горького и работала со мной над ролью князя Мышкина в «Идиоте» Достоевского. Это было мучительно. Семь месяцев репетиций измотали всех моих партнеров, я своим упорством, наверно, недурно помог этому, меня хотели снять с роли, но не было главного режиссера Г. Товстоногова — он за рубежом ставил «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского. Претерпев со мною все невзгоды, Р. А. Сирота тоже ратовала за смещение Смоктуновского. Со мной было трудно. Я был готов сам отказаться от роли, но приехал Товстоногов. Ему показали репетицию. После просмотра Георгий Александрович сказал: «Не трогайте его». Через полмесяца состоялась премьера, и, как показало будущее, это обозначило многое в моей актерской судьбе, да и в жизни вообще.

Значительной для меня была встреча с кинорежиссером Михаилом Ильичом Роммом в фильме «Девять дней одного года». Более светлой режиссерской личности, сочетавшей умнейшего человека, гражданина, учителя, друга и товари-

ща, с которым просто можно было поговорить, не опасаясь быть непонятым, не знаю.

Александр Гаврилович Иванов, постановщик картины «Солдаты» — замечательный режиссер, удивительный, самобытный человек. Он настоящий друг артистов, а это так важно для полной раскрепощенности исполнителя в кадре и на сцене.

Радостной была и совместная работа над фильмом «Високосный год» с Анатолием Васильевичем Эфросом. Очень интересный режиссер с высоким, необычным полетом мысли, ежесекундно углубленный в дело, по-настоящему любящий и понимающий актера.

— Иннокентий Михайлович, вы играли роли трагические. Но зрителям запомнилась и характерная ваша роль в комедии «Берегись автомобиля». Как бы вы определили свой актерский диапазон?

— На этот вопрос лучше бы ответить критикам или зрителям. Я делаю то, что мне предлагают режиссеры, сама драматургия, на что удастся найти время, на что находишь в себе силы согласиться. У каждого актера есть свой диапазон, правда, не всегда им осознанный. Бывает, такой «актер-актерович», «герой», примитивно существующий на сцене, вдруг в какой-то момент жизни или роли раскрывается как прекрасный талант. Иногда ощущаешь наличие некоторого пласта, не хочется называть его диапазоном. Порою приходится прятать не только за бороды и костюмы в роли, но где-то и за самого себя. В подобном случае отдаешь себя на откуп драматургическому материалу, предложенному тебе режиссером, и, судя уже по результату, наличие актерских возможностей очевидно работает на роль. Но, как они велики, подвижны ли — заранее это предсказать трудно. Есть опасность повесить эталонный ярлык.

Каждой роли отдается то, что можно отдать именно этой роли, и в каждом отдельном случае это всегда ново, это всегда диктат автора произведения, диктат настроения минуты и возможности этой минуты.

— Сейчас в критических статьях, в театральных дискуссиях часто употребляют формулу «современный актер». Как вы это для себя определяете? И что думаете о современном актере?

— Современный актер — в первую очередь современный человек, тот, кто ездит в трамвае, метро; тот, кто читает газеты, слушает радио и смотрит телевизор; тот, кому не чуждо желание быть в спортивной форме и управлять машиной. Современный актер — это тот человек, который имеет право на труд, на отдых, на образование, который живет в нашей советской среде, и окружение благодатно питает его творческую фантазию. Современный актер чувствует дух времени, новые веяния времени, угадывает это и в дальнейшем через свою актерскую личность, че-

рез драматургию преподносит дух времени уже со сцены или с экрана. Очевидно, нужно привести пример, чтобы было понятно. Вот моя работа в фильме «Дочки-матери», роль Вадима. Я считаю это современной работой — не в смысле качества, а в смысле ее сути. Хорошо, дурно ли исполнение — об этом судят зритель, критика. Я не могу судить свои работы и поэтому говорю только, что это сделано верно. А хорошо или плохо, не знаю. На мой взгляд, это сделано так, как должен был делать современный актер. Не исключено, что я в чем-то, наверно, в мышлении или в своей гибкости, или в средствах выражения, может быть, и в своих возможностях выражения отстаю уже от нынешнего дня, но мне самому знать это довольно трудно. Наверное, есть более современные актеры, которые, увидев эту мою работу, скажут: «Ну и завернул ты, брат! Это совсем не то, что нужно сегодня». Может быть, они и правы, а может быть, ошибаются так же, как, может быть, ошибаюсь я.

— Очень хочется попросить вас назвать имена актеров, близких вам по духу, с которыми вам приходилось сталкиваться, работая в театрах и много снимаясь в кино.

— Прежде всего следует сказать о Евгении Евстигнееве. По истинному артистизму я не знаю ему равных. Я снимался с ним вместе в фильмах «Чаиковский» и «Берегись автомобиля». По своей яркой остроте и глубокой проникновенности в подлинную суть своих героев он всякий раз неожидан. Никогда не знаешь, как он поступит в каждый данный момент репетиции или съемки, какой новой и, как правило, яркой гранью раскроется создаваемый им образ. Сюда же я могу отнести актера Олега Ефремова. У него редкий дар процессуальности, то есть способности, создавая образ, как бы проследить до мельчайшей подробности, чем человек живет и чем занят. Близи к моему пониманию актерского творчества Алиса Фрейндлих и Алла Демидова, Олег Басилашвили, Георгий Жженов и Евгений Киндинов, Ирина Купченко и Ирина Мирошниченко.

— Иннокентий Михайлович, как вы оцениваете сейчас свою

работу в фильмах: «Девять дней одного года» и «Гамлет»? Ведь вы имели в них большой зрительский успех.

В свое время трудно было представить картину более современной, чем «Девять дней одного года». Сейчас мир ушел далеко вперед, планета крутится, и фильм по теме несколько устарел. Но он мне памятен встречей с режиссером М. И. Роммом. «Гамлет», на мой взгляд, всегда страдал помпезной музейностью. Вместе с тем он привлек удивительное количество поклонников во всем мире. Дорог же он мне не этим, а тем, что по драматургии Шекспира была сделана попытка нового кинематографического осмысления главного действующего лица.

— Я вижу у вас немало интересных книг, в том числе по изобразительному искусству. Вы книголюб!

— Я люблю книги и огорчен, что не обладаю по-настоящему хорошей личной библиотекой. Сейчас книголюбом быть трудно — нужно иметь много свободного времени, а у меня его нет. Читать же приходится, к сожалению, мало, что не улучшает состояние моего творческого багажа.

— Ваши любимые книги!

— «Идиот» Достоевского, «Маленький принц» Сент-Экзюпери, «Не кричите — волки!» Фарли Моузет. Очень люблю «Святую колодезь» и «Траву забвения» Валентина Катаева. Когда бывает грустно, вновь и вновь листаю Ильфа и Петрова... Пушкин всегда у меня на столе.

— Как вы проводите свое свободное время?

— Свободного времени у меня, как правило, нет. Если же оно оказывается, приходится читать новые сценарии, часто зря, так как от многих по разным причинам приходится отказываться. Но если все же вырвется свободная минута, люблю с дочерью бродить по тихим улочкам старой Москвы. А так с утра до позднего вечера занят работой в театре, кино или на ТВ.

— Иннокентий Михайлович, расскажите, пожалуйста, о своих последних работах на телевидении.

— Только что закончили съемки телевизионного спектакля «Вишневый сад» А. П. Чехова. Я знал, что чеховская драматургия трудна и не так традиционна, как это кажется с первого взгляда. И все же то, что пришлось испытать во время этой работы, вряд ли вместит вопль души: «Ох, как трудно!» Кто-то сказал, что Гавен — это уже актерский отдых. Я отдыха не ощутил. Недавно закончили съемки фильма-концерта «Песни цыган» в творческом объединении «Экран». Признаться, я давно подумывал о роли Федя Протасова в «Жизне труппы» Л. Толстого, тут — предложение сыграть 2-ю картину этой пьесы — «У цыган». Это была серьезная проба сил и возможностей. Хорошо было бы иметь возможность работы над образом Федя Протасова в многосерийном телевизионном фильме...

— Вы любите работу на телевидении!

— Вообще работу люблю, не отдавая предпочтения театру, кинематографу или телевидению. Убежден, что телевидение занимает свое достойное место в этом треугольнике. Сейчас ощущается соревнование этих трех видов искусства в завоевании человеческого внимания и привязанности. Телевидение в этом соревновании наращивает темпы, думаю, что кино и театр не будут отставать. Хотелось бы надеяться на это.

Беседу вела
Елена ПЧЕЛКИНА